

Узнав все подробности, Хэ Ци не считал, что его взгляд на Син Яня сильно изменится. Для него Син Янь всегда оставался Син Янем. Уже при первой встрече он понял, что это человек, израненный телом и душой, жаждущий любви, внимания и принятия, но так и не получивший их. Его мать, самый близкий человек, относилась к нему как к инструменту, строго и жестоко, и, судя по его рассказам, без капли любви. Даже когда он был пианистом, вокруг него звучали похвалы и восхищение, но всё это было лицемерно и с определённой целью. До встречи с Хэ Ци он уже двадцать лет шёл по жизни в одиночестве, выживая в одиночку.

А разве сам Хэ Ци не был таким же?

После смерти матери он остался с отцом. Позже появилась мачеха и младшая сестра, и его положение в семье стало неоднозначным. Не потому, что с ним плохо обращались, а потому, что, видя, как счастливы они втроём, он часто чувствовал себя чужим на краю этой семьи. Его привязанность к умершей матери не позволяла ему принять мачеху. Даже зная, что она хорошая женщина, хорошая мать и жена, он не мог назвать её «мамой». Как будто, признав её, он предал бы память о своей настоящей матери, которая любила цветы, держала всё в порядке и заботилась обо всём.

После окончания учёбы он переехал в этот город. Новое окружение, ни одного знакомого лица — он создал себе «изоляцию», даже выбрал жизнь вдаль от людей, как отшельник, живущий на верхнем этаже высокого здания. С коллегами он поддерживал поверхностные отношения, не участвовал в корпоративах и не заводил близких знакомств. В шумном городе он был чужаком. Хэ Ци и сам не мог сказать, было ли это его выбором или подсознательным наказанием самого себя.

Возможно, небеса тоже не могли этого терпеть, и в его жизнь ворвался Син Янь, заставив его спасти его жизнь и взять на себя ответственность. Современный мир полон подозрений и зависти, общение между людьми поверхностно, и за тёплыми словами может скрываться холодная ловушка. В эпоху царящего равнодушия «не спасать» могло бы быть правильным решением.

Хэ Ци тоже пытался стать равнодушным, чтобы казаться более «городским», и «дистанцирование» было его попыткой. Он даже сомневался в появлении Син Яня. Но в конце концов он не смог победить свою природу, и, когда взял Син Яня к себе, он даже не задумывался долго. Возможно, потому, что думать было слишком много, и он просто махнул рукой.

Так, под напором времени, две лодки в океане, две хрупкие и чувствительные души наконец встретились.

Пусть каждый одинокий человек найдёт невидимую нить, которая приведёт его к другому в бескрайнем море людей. Пусть они встретятся на улице, в парке, в огне войны или в мирном доме.

В этом холодном мире пусть они обнимут друг друга с любовью.

Когда Син Янь вытер слёзы, Хэ Ци повёл его к той самой палатке с жареной лапшой. Уже начало темнеть, и большинство столов на улице были заняты. Им повезло найти свободный столик, и Хэ Ци крикнул хозяину у плиты:

— Две порции жареной лапши!

Хозяин с северо-восточным акцентом, как обычно, спросил:

— Острое или нет?

— Без острого.

Хэ Ци вдруг вспомнил, что никогда не спрашивал Син Яня о его предпочтениях, и спросил:

— Ты хочешь острое?

Син Янь ответил, что не против. Значит, ему всё равно, и Хэ Ци решил, что их вкусы совпадают.

Уличные торговцы запоминают постоянных клиентов. До появления Син Яня Хэ Ци жил один и редко готовил, часто ужиная здесь, поэтому хозяева ближайших закусочных знали его. Не прошло и месяца, как хозяин, подавая лапшу, поздоровался с ним и спросил, почему он давно не приходил, может, слишком занят на работе. Хэ Ци ответил, что теперь готовит дома, поэтому редко ест на улице. Хозяин кивнул, взял деньги и вернулся к плите.

Кажется, он не узнал Син Яня. И неудивительно, его внешность так изменилась, да и было это вечером, в палатке сидело всего несколько человек, все уставшие после долгого дня, едва открывая глаза. Кто бы разглядел, кто сидит под тусклым светом.

Они сели на то же место, что и тогда, и это вызывало чувство, будто всё изменилось. Но эти изменения были позитивными и радостными. Хэ Ци, наслаждаясь давно забытым вкусом лапши, спросил Син Яня:

— Ну как, вкусно?

Син Янь почти уткнулся лицом в тарелку, молча ел. Хэ Ци, боясь, что он снова заплачет, поспешил сказать:

— Не волнуйся, если ты снова заплачешь, я убегу!

Син Янь поднял голову, посмотрел на него и упрямо сказал:

— Я не плачу!

Но его красные, как у кролика, глаза и нос выдавали его. Хэ Ци мягко вздохнул, вытащил салфетку из коробки на столе и протянул ему:

— Вот, вытри нос.

Глядя, как Син Янь усиленно сморкается, Хэ Ци подумал: Неужели он действительно на четыре года старше меня? Почему он так часто плачет, как ребёнок? Может, это потому, что он художник, и его эмоции сильнее, чем у обычных людей?

Син Янь, конечно, не слышал, что думал Хэ Ци. Он доел лапшу, и Хэ Ци встал, чтобы купить пиво, и повёл его за собой, не дав времени на размышления, вероятно, боясь, что он снова заплачет, глядя на пустую тарелку.

Свернув за угол, они вошли в переулок, где находился магазин подержанных вещей, где они купили складную кровать. Там был небольшой супермаркет, похожий на старый кооператив, с ассортиментом, хотя и не таким большим, как в крупных магазинах, но достаточным для нужд местных жителей. Хэ Ци часто заходил сюда, когда не хотел далеко ходить за покупками. Но для Син Яня это было впервые, он жил здесь не так долго, чтобы изучить все магазины. Если

бы он знал, что здесь есть магазин, он бы не ходил далеко каждый день, возвращаясь домой под палящим солнцем, чтобы потом выслушивать насмешки Хэ Ци о том, что он загорел. Хотя его кожа не склонна к загару, за годы бродяжничества, под дождём и солнцем, он не сильно загорел, а скорее побледнел из-за недоедания. Хэ Ци говорил, что чёрный цвет — это цвет здоровья. Когда он это сказал, Син Янь не упустил из виду его сдерживаемую улыбку и понял, что это не было искренним.

Хэ Ци вытащил из холодильника почти все бутылки пива одного бренда и поставил их на прилавок, заливая его водой. Хозяин, ворча, нашёл для них пластиковую подставку для стеклянных бутылок. Видимо, узнав их как местных арендаторов, он напомнил, что подставку нужно вернуть, и даже высунулся из двери, когда Хэ Ци расплатился, а Син Янь вышел с подставкой, повторив:

— Обязательно верните!

— Скупердяй! — Когда они отошли подальше, Хэ Ци раздражённо посмотрел на магазин и сказал:

— Одного раза хватило, а он дважды повторил. Скупердяй!

Его гримаса была довольно забавной, и Син Янь не сдержал смеха. Хэ Ци повернулся к нему:

— Что смешного? Что тут смешного?

Видимо, от злости он не заметил, как его акцент, который он обычно скрывал, полностью проявился. Его голос стал выше, и в нём явно слышался носовой оттенок, как будто он говорил на родном диалекте.

— Не смейся, ты выглядишь как извращенец, — с отвращением сказал Хэ Ци.

Син Янь тут же убрал свою «извращенческую улыбку» и серьёзно спросил:

— Правда?

Я тебя люблю. — Я тебя люблю.

<http://bllate.org/book/16327/1474024>